

О. В. ТВОРОГОВ

К истории жанра хронографа

История жанра хронографа на русской почве началась, видимо, с составления хронографической компиляции, которую древнерусские книжники называли «Хронографом по великому изложению».¹ Этот хронограф до нас не дошел и может быть лишь частично реконструирован с помощью восходящих к нему памятников: Хронографической палеи, Еллинского летописца второй редакции и Троицкого хронографа.² Наблюдения над перечисленными памятниками позволяют предположить, что «Хронограф по великому изложению» представлял собой компиляцию, основанную на Хронике Георгия Амартола и, в меньшей степени, на Хронике Иоанна Малалы. Он содержал конспективное изложение «всемирной истории», по крайней мере от времени Навуходоносора (о начальной части Хронографа — если таковая вообще была — мы не можем судить по имеющимся у нас данным) и до времени правления императора Романа. В конце «Хронографа по великому изложению» содержались краткие сведения о крещении Руси.

Объем статьи не позволяет нам подробно остановиться на характеристике «Хронографа по великому изложению», Еллинского летописца обеих редакций и других хронографических сводов: мы ограничимся рассмотрением эволюции хронографического жанра лишь на ограниченном отрезке его истории, а именно на примере двух редакций Русского хронографа — Хронографа редакции 1512 г. и Хронографа редакции 1617 г. Но именно в этих памятниках черты жанра и основные тенденции его развития проявились особенно отчетливо.

Хронограф редакции 1512 года

После разысканий А. А. Шахматова в науке утвердилось мнение, что Русский хронограф был создан в середине XV в.³ Однако наблюдения Б. М. Клосса позволяют отнести дату составления Хронографа к рубежу

¹ Это название употребил составитель Хронографической палеи, указывая на свой источник. О «Хронографе по великому изложению» см.: В. М. Истрин. 1) Редакции Толковой палеи. СПб., 1907, стр. 111—115 (то же: ИОРЯС, т. XI, СПб., 1906, кн. 2, стр. 20—24); 2) Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. II. Пгр., 1922, стр. 350 и след.

² Исследование Троицкого хронографа — хронографической компиляции, дошедшей до нас в составе сборников: ГБЛ (собр. Троице-Сергиевой лавры, № 728; и собр. Ундольского, № 1) и ГПБ (Новое собрание рукописных книг, 1918, F, № 27) — подготовлено нами к печати.

³ А. А. Шахматов. 1) К вопросу о происхождении Хронографа. — СОРЯС, т. LXVI, 1899, № 8; 2) Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 133—145.

XV—XVI вв.⁴ Мы не можем сейчас сказать, отличался ли архетипный текст Русского хронографа от текста Хронографа редакции 1512 года (далее: Хр. 1512). Но предположение, будто бы Хр. 1512 вместе с Хронографом западнорусской редакции восходил к некоей более пространной редакции, должно быть отвергнуто: текстологические наблюдения привели нас к выводу, что Хронограф западнорусской редакции сам восходит к Хр. 1512 г.⁵ Поэтому мы вправе рассматривать Хр. 1512 как первую редакцию Русского хронографа и как следующий после Еллинского летописца второй редакции (далее: ЕЛ-2) этап в развитии хронографического жанра на Руси.

ЕЛ-2, как установлено в работах В. М. Истрина, А. А. Шахматова и С. П. Розанова, был основным источником Хр. 1512 г. Есть возможность уточнить эту зависимость: Хр. 1512 восходит к списку Академического вида ЕЛ-2.⁶ Этот вид вместе с Чудовским видом ЕЛ-2⁷ восходит к общему протографу — архетипному тексту ЕЛ-2.⁸ Приведем несколько аргументов в пользу высказанного мнения.

1. Рассмотрев гл. 84—85 Хр. 1512, можно заметить, что в них, как и в списках ЕЛ-2 Академического вида, «Видения Даниила» начинаются с рассказа о Сусанне; затем, после заголовка «Избранно от книг Данила пророка, еже пророчествова в плънѣ в Вавилонѣ, с ним же и три отроки», читается фрагмент «Данил сеи бѣ от колѣна Иудина...», потом статья «Видѣние второпрѣвое Данилово о пленении Иерусалима».⁹ В Чуд и сходном с ним списке Т порядок статей иной: сначала следует статья «Видение прѣвое о пленении Иакыма царя...», а затем статья о Сусанне.¹⁰

2. В «Александрии», в статье «О Филиппе царе», в списках Чуд и Т читается: «Старый же прѣвое како поити на противныя блюдется, како бы (одольти — слово доб. в Т)...»; в списке КБ и Писк: «Старый же прѣвое размыслив, како поити на противные, блюдется како бы избыв от него пагубы». В Хр. 1512 в статье «О воцарении Александрове»: «Старии же прѣвѣ размыслят и со спасением ходят на противныя, чтобы

⁴ Б. М. Клосс. О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1972, стр. 244—255.

⁵ См. ниже нашу статью «К изучению древнерусских хронографических сводов» (стр. 393—404).

⁶ К Академическому виду мы относим списки: 1) БАН, 33.8.13 («Академический») — БАН-2; 2) ГБЛ, собр. Пискарева, № 162 (список прежде принадлежал собранию Румянцевского музея под № 597) — Писк; 3) ГБЛ, собр. Егорова, № 867 (копия списка Писк) — Ег; 4) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 1/6 и его продолжение — ГИМ, Синодальное собр., № 86 — КБ; 5) ГПБ, Софийское собр., № 1520 — Соф; 6) ГБЛ, собр. Ундольского, № 720 — Унд. Дефектный список Унд и список Ег в дальнейшем к рассмотрению не привлекаются.

⁷ К Чудовскому виду мы относим списки: ГИМ, собр. Чудовское, № 51/353 (Чуд) и ГПБ: Ф. IV, № 91 (бывш. Толстовского собр. I, № 319), обозначаемый далее — Т и ОЛДП, Ф. 33 — ОЛДП.

⁸ Впервые на противопоставленность списка Чуд спискам Академического вида указал Д. С. Лихачев в статье «Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы» (ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 106). Академический вид в нашей стемме соответствует «редакции 1392 г.» по стемме Д. С. Лихачева. Подробнее о редакциях и видах Еллинского летописца см. ниже в нашей статье «К изучению древнерусских хронографических сводов» (стр. 380—393).

⁹ Хронограф редакции 1512 г. — ПСРЛ, т. XXII, ч. 1, СПб., 1911, стр. 167. (Далее в сносках: Хр. 1512).

¹⁰ Странное слово «второпрѣвое» в заголовке второй статьи гл. 85 Хр. 1512 — следствие недоумения, в которое впал редактор или один из переписчиков ЕЛ-2: после перемещения статей в Академическом виде статья «Видение прѣвое Данилово о пленении Иоакима царя» стала второй. В списке КБ также: «Видѣние второе 1-е Данилово».

себѣ и другим не сътвори ти пагубы».¹¹ Близость Хр. 1512 именно к спискам *КБ* и *Писк* (в списках *БАН-2* и *Соф* — сходно) бесспорна.

3. В статье «Царство 18 в Сурии» в Хр. 1512 читается: «Быша же таковаа три лѣта и полъ»;¹² в списках *КБ* и *Писк*: «Се же сотвори им 3 лѣтъ и пол», в *Чуд* и *Т*: «две лѣтъ и пол».

4. Есть основания думать, что Хр. 1512 восходит к списку, сходному со списками *КБ* и *Соф* (отличаясь от списков *БАН-2* и *Писк*). Так, в Хр. 1512 и *КБ* читается: «растерзаючи ногты»,¹³ в списке *Писк*: «растрѣгающа ногты»; в Хр. 1512 и *КБ* читается: «церковь Диосову»,¹⁴ в *Писк*: «Дионисову», в *БАН-2*: «Дионисову». В Хр. 1512 и *КБ* читается: «и отгна»,¹⁵ в *Писк* и *БАН-2*: «и гна». В Хр. 1512 и *КБ* читается (с орфографическими различиями): «волнам кровавым»,¹⁶ в *Писк* и *БАН-2*: «вълнам морьским кровавыи».

Как известно, списки *КБ* и *Писк* начинаются с «Видений Даниила» (списки *Соф* и *БАН-2* — с «Александрии»). Характерно, что с первой частью ЕЛ-1 или со сходным началом ЕЛ-2 Чудовского вида у Хр. 1512 есть единственное совпадение: оба памятника включают в библейский рассказ о сотворении мира фрагмент из Сказания Епифания Кипрского. Однако в Хр. 1512 этот фрагмент полнее и ближе к тексту Епифания, чем в ЕЛ, и, следовательно, Хр. 1512 обратился к этому источнику непосредственно. Из всего сказанного можно сделать вывод, что составитель Хр. 1512 располагал списком ЕЛ-2, начинавшимся с «Видений Даниила». Но целью его было представить «всемирную историю» в ее полном объеме, как это и предполагается жанром хронографа.

Хронист обратился, однако, не к спискам ЕЛ, где читается первая часть памятника, посвященная начальному периоду всемирной истории и опущенная в Академическом виде (возможно, такие списки ЕЛ были ему неизвестны), а непосредственно к библейским книгам. Поэтому правильнее говорить не об одном, а о двух основных источниках Хр. 1512: библейских книгах и ЕЛ-2 Академического вида. Хр. 1512 не просто внес изменения в состав своих основных компонентов, что-то сократив, что-то добавив, что-то пересказав по другому источнику и т. д. Хр. 1512 — это не третья, дополненная библейской историей редакция ЕЛ, а качественно новый этап в развитии русской хронографии. ЕЛ при всей своей значительности был все же по преимуществу компиляцией, составитель которой был озабочен в основном подбором источников и сведением их в единое повествование. В Хр. 1512 источники не механически соединены, как может показаться при ознакомлении с описанием Хр. 1512 в монографии А. Н. Попова,¹⁷ но существеннейшим образом переработаны. Хронист, как правило, не цитирует источники, а пересказывает их, широко применяя при этом перестановки, лексические поновления, стилистическую правку. В результате он добился в Хр. 1512 такого композиционного, а отчасти и стилистического единства, что порой говорят о «стиле Хронографа» как о чем-то цельном и постоянном. Обращают на себя внимание пропорции составных частей Хр. 1512 г. Он не сочетает краткий конспект библейской истории со значительно более подробным изложением последующих событий, как ЕЛ-1 или *Чуд.*, не представляет

¹¹ Хр. 1512, стр. 188.

¹² Там же, стр. 217.

¹³ Там же, стр. 173.

¹⁴ Там же, стр. 216.

¹⁵ Там же, стр. 217.

¹⁶ Там же, стр. 229.

¹⁷ А. П о п о в. Обзор хронографов русской редакции, ч. 1. М., 1866, стр. 99—215.

собой механического соединения Хронографа с текстом полных библейских книг, как *КБ*, или с фрагментом из Хроники Амартола (далее: Хр. Амартола), как *Лиск*. Источники в Хр. 1512 переданы с равной степенью подробности, как бы в одном временном масштабе. И это несомненное достоинство Хр. 1512 (не понятое и искаженное в некоторых из последующих редакций).

Взглянем на композицию Хр. 1512. Он начинается рассказом о творении мира, но краткий библейский перечень актов творения не удовлетворяет составителя Хронографа: хронист дополняет этот рассказ вставками из Сказания Елифания Кипрского и особенно из Хроники Манассии (далее: Хр. Манассии), где содержится яркий рассказ о прекрасном мире, поражающем человека разнообразием растений, существ, красок, звуков, форм: «сияет» «крин многообразный», поднимаются «класи, отягчени пшеницею», зеленеет «трава мягка», распевают «дроздове, славие... синици, скворци»; «пучина водная» и «земляная суша» «исполнены» разнообразными животными и рыбами и т. д.¹⁸ Этот рассказ о мире, в котором живет человек, дополняется рассказом о рае. В статье «О рае» речь идет не только о грехопадении Адама и Евы, но создана картина идеального края, который «присно всегда исполнен плодов бывает, овы цветуща, овы же зреюща и инаа съзревша», где мирно существуют «лев зияющий», «медведи грозноощи», «частопахиа лисица» и «юнец рогобивый» и «пав златокрилный».¹⁹ Эти статьи как бы находят продолжение в описании земли, в статье «О четырех великих морях»,²⁰ и в описании неба — Солнца, Луны и планет — в статье о Сифе.²¹ Рядом с «пространственными» ориентирами — ориентиры временные: статья «О родословии», где исчислены «лета» от Адама до его ближайших потомков. Мир описан, даны отправные даты, можно приступать к изложению событий — того, что совершилось на этой земле.

Со статьи «О потопе» начинается повествование о событиях библейской истории. Любопытно, что в самом начале рассказ прерывается несколькими инородными, порой сугубо «мирскими», порой апокрифическими легендами, которые мы бы назвали сведениями по «истории культуры». Это апокрифическая история Сифа, который «первое написа сложение словес жидовьским языком и знамениа небеснаа, лунное течение и лета, и в лете [положи] четыре времена и месяца и неделя, и звездам сътвори имена...»;²² легенда, как астрономические сведения, полученные от Сифа, и изобретенный им календарь потомки записали на глиняной и каменной досках и укрепили их на глиняной и каменной стеллах («столпах»), «глаголюще, яко аще от воды весь мир погыбнет, каменный (столп, — О. Т.) останеться, аще ли ото огня, то глиняный пребудеть и еже написано на нем».²³ К той же теме Хр. 1512 возвращается и в последующих главах. В статье «О родословии» сообщается, что Овал «показа цевницу и гусли», а Фовел был «ковачь железу и меди».²⁴ В статье «О Евере» рассказывается, что «первое убо грамоту финикиане обретоша, творчества же иройское — Омир, дялевътикию — Зинон Елатянин, ритосрикию же — Кракс Сиракусянин, грамотам же сложение, и

¹⁸ Хр. 1512, стр. 22—23. Здесь и далее цитаты из Хр. 1512 даются с орфографическими упрощениями.

¹⁹ Там же, стр. 25—26.

²⁰ Там же, стр. 24—25.

²¹ Там же, стр. 28.

²² Там же, стр. 27—28.

²³ Там же, стр. 28.

²⁴ Там же, стр. 28—29.

речи, и числа, и меры, и уставы Паламидий обрете»;²⁵ а следующая статья «О сложении еллинския грамоты» специально посвящена происхождению греческого алфавита.²⁶

Любопытен сам факт введения «историко-культурных» сведений в повествование о библейской истории, но примечательно и то место, которое занимает эта вставка на «хронологической оси» Хр. 1512. Так же как в Хронике Малалы,²⁷ ЕЛ-1 и Чуд, сведения о легендарных персонажах, изобретателях наук и ремесел, соотнесены с самым началом исторического процесса, с «допотопными» временами. Если сведения о Сифе или Евере, согласно средневековой церковной хронологии, и должны быть соотнесены с рассказом о первых поколениях потомков Адама, то упоминание тут же Гомера, Паламеда или Зенона, видимо, объясняется лишь тем, что эти лица, подобно Сифу и Еверу, были создателями каких-либо наук или искусств.

Здесь же, в 6 гл., помещены и сведения об античных богах. Эти сведения традиционны для средневековой хронографии: мы находим их и у Амартола, и у Малалы, а позднее и в Хронике Мартина Бельского. Несмотря на христианскую интерпретацию «сущности» античных богов, обязательно присутствующую во всех названных источниках, само наличие этих сведений указывает на сложное взаимоотношение античной и христианской культур, когда последняя, во многом выросшая на почве античной учености, не могла полностью избавиться от ее могучего культурного влияния, хотя бы оно и несло в себе элементы языческих мифов и преданий. Так или иначе, но составитель Хр. 1512 специально обратился к своим источникам, чтобы вставить в сугубо ортодоксальную статью «О родословии по потопе» сведения о египетском и греческом языческих пантеонах; упоминание имени Серуха становится поводом для вставки фрагмента из Хр. Манассии, где рассказывается, как Серух первый стал создавать «истуканов», которых обожествили его потомки. Тут же сообщается о религии египтян, поклонявшихся обезьянам, собакам, крокодилам, «пегому волу» и т. д.²⁸ Затем хронист приводит выдержку из Хр. Амартола, рассказывающего как «еллини» «скверныа человеки обоготвориша» и поклонялись Гепесту, Деметре, Посейдону, Афродите, Аресу и другим богам, и, снова обратившись к Хр. Манассии, приводит оттуда легенду о Кроне, Нине, Зороастре, Аресе.²⁹ Эта последняя легенда (правда, из другого источника — из Хроники Малалы) приводилась и в ЕЛ. Однако это говорит лишь о популярности ее в средневековой хронографии, так как составитель Хр. 1512 не знал, как уже говорилось, первой части ЕЛ. Интерес к сюжетам античной мифологии в Хр. 1512 г. был не случаен: в дальнейшем, в Хронографе редакции 1617 года, этой теме будет уделено еще большее место (см. ниже, стр. 223).

После статьи «О родословии» продолжается библейский рассказ. В Хр. 1512 передано содержание Пятикнижия, книги Иисуса Наввина, книги Судей, четырех книг Царств, книги Руфь, книги Товит и книги Есфирь. Изложение библейских книг чрезвычайно компактно. Это достигается не только тем, что текст источника искусно пересказывается,

²⁵ Там же, стр. 31. Здесь упомянуты Гомер, Зенон Элейский, Коракс Сиракузский и Паламед, герой Троянской войны, которому древние приписывали изобретение букв и цифр.

²⁶ Текст статьи восходит к известному сказанию Черноридца Храбра.

²⁷ Ср.: В. И с т р и н. Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки имп. АН по историко-филологическому отделению, т. 1, № 3, СПб., 1897.

²⁸ Хр. 1512, стр. 31.

²⁹ Там же, стр. 31—32.

но и «тематическим» отбором: составителя Хронографа привлекали по преимуществу события библейской истории, а догматической и ритуальной части библейских книг он уделяет несравнимо меньше внимания. Из книг Левит, Числа и первых глав книги Второзаконие, основным содержанием которых являются ритуальные и религиозно-правовые предписания, сделаны лишь ничтожные извлечения,³⁰ тогда как «исторические» библейские книги переданы в Хр. 1512 достаточно подробно. И все же удельный вес библейской истории в Хр. 1512 достаточно велик, во всяком случае намного больше, чем в ЕЛ-2: в Хр. 1512 библейская история занимает примерно одну треть всего объема текста.

После окончания IV книги Царств, где повествование завершается рассказом о захвате Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором, следует раздел, как бы подводящий черту под изложением библейской истории и вводящий в историю новозаветную: это статьи «О Иеремии пророце», «О пророцех» и «О еллинских мудрецах»,³¹ где приводятся высказывания библейских пророков и античных философов (в числе которых оказались боги, Аполлон и Дионис, и персидские «волхвы»), будто бы предвещавших явление Христа или же призывавших исповедовать единобожие. Далее следует статья «Избранно от книги глаголемыа Есфирь»,³² а затем — пересказ книги пророка Даниила с толкованиями Ипполита. Соседство этих статей в тексте Хр. 1512 объясняется, видимо, тем, что описанные в них события происходили в одну эпоху, во времена Навуходоносора. Вынесение статей о пророках перед ними, вероятно, не случайно: по мнению хрониста, ветхозаветная история заканчивается именно с захватом Иерусалима Навуходоносором и концом Иудейского царства.

Статьи, содержащие «видения» Даниила с толкованиями Ипполита, как и в ЕЛ-2, прерываются собственно историческими статьями о вавилонских, мидийских и персидских царях. В Хр. 1512 они значительно дополнены вставками из Хр. Манассии и Хроники Зонары.³³ Но одновременно текст «видений» значительно сокращен, особенно в части их «толкований». Так, от огромного (занимающего, например, в списке Писк 8 листов in folio) толкования видения «О образе тела» в Хр. 1512 осталось лишь несколько строк.³⁴ Видение 11-е — «О царех южьских и о северьских»³⁵ — в Хр. 1512 полностью опущено. Значительно сокращено также видение 10-е — «О рве и о вметании», но при этом в текст «видения» вставлена добавочная статья «Тлькование от Златоустовых», содержащая столь любимые составителем Хр. 1512 хронологические выкладки: «От исхожения слову, еже есть отнелиже Гавриил сказа Данилу, оттулева подобает счести, еже рече „создатися Иерусалиму до Христа игумена седмиць седмь и седмиць 60 и две“, еже есть всех 70 без единыя. Седмици же не деньми ни месяци, но по седми лет в седмици, съчитаеть же ся четьреста и осьмьдесят и три лета до Христа, от Кира бо до Антиоха Объявленаго (видимо, вместо «Явленого», как переводилось в древ-

³⁰ См. описание «Сени сведения» в гл. 20 (стр. 68—69) и в гл. 22 (стр. 72), заповеди в гл. 26 (стр. 83) и гл. 27 (стр. 84—87), а также статью «Толкование о святой Троице, иже явися Аврааму» в гл. 8 (стр. 36—38).

³¹ Хр. 1512, стр. 161—165.

³² Там же, стр. 165—166.

³³ Статьи «О Кире», «О училищех, иже в Персех» (стр. 177—178), «Паки о Кире и о щедролубии его и о Криссе» (стр. 181—182), «Царство Дарна Истапсова» и «Царство Ксерксово» (стр. 182—183).

³⁴ Хр. 1512, стр. 169.

³⁵ КБ, л. 831; Писк, л. 128.

ней Руси прозвание «Эпифанос», — О. Т.), иже плени Иерусалим, триста и девятыдесят и четыре лета...».³⁶

После статей о персидских царях (Дарии I, Дарии II, Ксерксе и других, кончая Хусом) следует статья «О еллинских мудрецах и о зодях (зодиаке, — О. Т.)», в которой упоминаются Софокл, Еврипид, Геродот, Сократ, Демосфен, Аристофан и другие деятели античной культуры.³⁷ Нам уже приходилось отмечать интерес к этой теме, проявляемый составителем Хр. 1512.

После истории стран Востока следует «Александрия», носящая в Хр. 1512 название «Избрание от хождения царя Александра Македонскаго». Ее место в Хр. 1512 определяется средневековой исторической традицией: когда персидский царь Хус, упомянутый последним в статье «Царие [и]же в Персех царствоваша», завершающей повествование о царях Востока, напал на Египет и разгромил его, египетский царь-чародей Нектанав бежал в Македонию, а от него, согласно легенде, родился Александр Македонский.³⁸ В Хр. 1512 находится «Александрия» четвертой редакции (по классификации В. М. Истрина³⁹). Он же указал на ряд сокращений в тексте «Александрии» сравнительно со второй редакцией «Александрии», входящей в состав ЕЛ-2.⁴⁰ Но для нас представляют интерес не эти сокращения и пересказы, характерные для Хр. 1512, а добавления, извлеченные по большей части из «Сербской Александрии». Эти добавления следующие: 1) В начале «Александрии» добавлено: «Дарий Арсаманин царствова в Персех лет 6, егоже уби Александр Македонский и разруши царство Перьское и царствова лет 12, а преже разрушения лет 6. Ото Адама до умертвия Александрова лет 5100 и 67, а от пленения лет 200 и 61. При сем философи Аристотель, и Менандр, и Диоген [и] инии предречени». ⁴¹ 2) Добавлен рассказ о приходе Александра на Афины и на Рим.⁴² 3) Добавлены статьи «О пришествии в Трои» и «О добродетелех Александровых». ⁴³ 4) В конце «Александрии» добавлено: «Повесть же сотвори о Александре Ариан, ученик Епиктита философа, в времена Нерона, царя Римскаго. Позно той был философ, нечто будет ото иных творцев переписал, котори со Александром ходили, ото Аристотеля». ⁴⁴ Все дополнения, внесенные в «Александрию», находятся в русле постоянных интересов составителя Хр. 1512, усердно пополнявшего свой труд и новыми фактическими подробностями, и сведениями об античной культуре.

За «Александрией» следует статья «Начало царства греческаго». Ее первая часть (до слов «и оскврнят землю Израильтеску»⁴⁵) — сокращение статьи «Начало царства Царяграда» ЕЛ-2. Эта статья появилась только во втором виде ЕЛ; она является извлечением из апо-

³⁶ Хр. 1512, стр. 176.

³⁷ Там же, стр. 185.

³⁸ Нектанав «Александрии» отождествляется с египетским фараоном Нектанбом II (360—341 гг. до н. э.), потерпевшим поражение в войне с персидским царем Артаксерксом III и бежавшим из страны. Имя Хус (в греческом тексте «Александрии» Ἰσος) — передача имени Ох, которое носил Артаксеркс до вступления на престол. См.: В. М. Истрина. Александрия русских хронографов. М., 1893, стр. 143—144.

³⁹ В. М. Истрина. Александрия русских хронографов, стр. 261 и след.

⁴⁰ По гипотезе В. М. Истрина, между второй и четвертой редакциями «Александрии» существовала еще промежуточная, не дошедшая до нас редакция, к которой восходила и третья редакция «Александрии».

⁴¹ Хр. 1512, стр. 185.

⁴² Там же, стр. 188—190.

⁴³ Там же, стр. 190—191.

⁴⁴ Там же, стр. 213.

⁴⁵ Там же.

крифического «Откровения Мефодия Патарского» и кратко сообщает о происхождении Александра Македонского, его победе над Дарием и излагает легенду о «нечистых народах», заключенных в «Северьских горах» по молитве великого полководца.⁴⁶ Составитель Хр. 1512 по-своему переделал текст своего непосредственного источника — ЕЛ-2. Во-первых, он заменил действительно неуместный заголовок «Начало царства Царя-града» заголовком, показавшимся ему более подходящим: «Начало царства греческого». Во-вторых, он внес несколько изменений в текст ЕЛ-2 (при этом значительно сократив свой источник). Вместо слов «Филип убо, Александровъ отецъ, македонянин бе и поя жену Хузиту, глаголемую Алимпиаду, дщерь Фола, царя ефиопьска, от нея же родися Александр-гречин»⁴⁷ в Хр. 1512 приводится разъяснение, возможно как-то связанное с новым заголовком статьи, в котором упоминается греческое царство, — «Александр убо Макидонский еллин, еже есть гречин, греческий бо род от еллин и языком еллинским глаголють» — и пытающееся устроить противоречие двух названий одного народа — греки и еллины. Два других изменения текста — возможно, след влияния упомянутого выше (см. прим. 46) фрагмента из «Откровения» в «Повести временных лет». В ЕЛ-2: «доиде земля, яже наричається Солнца», в «Повести временных лет»: «наричаемое Солнче место»; в Хр. 1512: «до Солнечнаго града». В ЕЛ-2 ничего не говорится о высоте «Северьских гор», в «Повести временных лет» сказано, что это были «горы высокия», в Хр. 1512 также: «иже зело суть высоки». Вторая часть статьи «Начало царства греческого» и следующие за ней статьи повествуют об эллинистических государствах, возникших после смерти Александра Македонского. Составитель Хр. 1512 существенно переработал эти статьи, частично сократив текст ЕЛ-2, а частично дополнив его по Хронике Зонары. Но самое примечательное — это вставка после статей о Селевкидах статьи «Повесть о создании и поплении Тройском». Как мы увидим далее, составитель Хр. 1512 стремился к синхронному изложению событий (см. ниже, стр. 216). Троянская война произошла, как следует из заглавия «Повести о создании и поплении Тройском», «при Давиде, цари иудейском». Поэтому помещение «Повести» после рассказа о завоевании Египта римлянами в конце первого века до нашей эры — явный анахронизм. Однако он имеет свое объяснение. В Хр. Манассии рассказ о Троянской войне⁴⁸ предшествует статье «Царство елин вечерних иже в Риме», где повествуется о возникновении Рима.⁴⁹ Это соседство обусловлено легендарной генеалогией будущих римлян от троянцев — Энея и его спутников. Рассказ о Троянской войне в Хр. Манассии рассматривается, таким образом, как некий пролог к рассказу о римской истории. Составитель Хр. 1512 в этом случае полностью следует за Хр. Манассии. Он опустил рассказ о первых римских царях, читавшийся в ЕЛ-2 (при этом предшествовавший «Александрии»), и вслед за «Повестью о создании и поплении Тройском» поместил статьи об Энее, Ромуле, Реме и первых римских царях, извлеченные из той же Хр. Манассии, предпослав им

⁴⁶ Эта же легенда из «Откровения» вошла и в «Повесть временных лет»; см.: Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. 1, вып. 1, изд. 2, Л., 1926, стлб. 235—236.

⁴⁷ См. ЕЛ-2: КБ, л. 143; Лист, л. 206.

⁴⁸ «Повесть о создании и поплении Тройском» соединяет рассказ так называемой «Притчи о кралех» (южнославянской версии латинской повести, читающейся в некоторых списках Хроники Манассии) с рассказом о Троянской войне основного текста Хр. Манассии. Подробней см. в кн.: Троянские сказания. Л., 1972 (серия «Литературные памятники»), стр. 161—177.

⁴⁹ Die slavische Manasses Chronik. Slavische Propyläen. Bd. 12, München, 1966, SS. 67—71.

заголовок, также заимствованный из этой хроники: «Царство вечерних еллин, иже в Риме,⁵⁰ и чесо ради Италия нарицашеся Римская страна и живущии в ней латыни наречени».⁵¹ Далее следуют статьи о Юлии Цезаре, Октавиане Августе и других римских императорах. Таким образом, нарушив синхронность, составитель Хр. 1512 тем не менее выиграл в последовательности изложения.

Дальнейший рассказ о римских императорах вызывает невольное восхищение мастерством составителя Хр. 1512: он значительно дополняет текст ЕЛ-2 многочисленными и порой довольно пространственными выписками из Хр. Манассии,⁵² Хр. Зонары,⁵³ «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия,⁵⁴ и тем не менее его рассказ в целом оказывается даже короче, чем в ЕЛ-2. Это достигается, во-первых, путем сокращенного пересказа источников, а во-вторых, благодаря пропуску целых статей и фрагментов. В этих сокращениях проявляется все та же тенденция, которую мы обнаружили в отборе по преимуществу «исторического» материала при пересказе библейских книг или в значительном сокращении текста «толкований» при передаче видений Даниила. В рассказе о римских императорах составитель Хр. 1512 опускает статьи, имеющие, по его мнению, второстепенный характер для описываемого им исторического процесса. Так, опущены или значительно сокращены рассказы о чародеях (Симоне волхве или Аполлонии Тианском) и еретиках (подробный рассказ о которых находился в статье об императоре Аврелиане), сокращены перечни христианских мучеников, опущены естественнонаучные рассуждения в связи с извержением Везувия, опущена статья «О Феодоре жидовине», значительно сокращен рассказ о «прении» иудеев с епископом Сильвестром и т. д.

Тот же характер носит и редакторская работа над статьями о Византии. Здесь также сокращены или опущены статьи о чудесах, совершившихся во времена императора Валента, целая серия статей о смерти и загробном мире («Слово Иоанна Златоуста о умерших», «Святаго Григория Богослова о усопших» и др.) в описании царствования императора Константина III и т. д. Как и в повествовании о восточных царях и римских императорах, в византийской части Хр. 1512 наряду с многочисленными сокращениями имеетесь большое число вставок. Особенно значительные добавления (по преимуществу из хроник Манассии и Зонары) находятся в статьях о Феодосии Малом и царице Евдокии, об императорах Анастасии, Юстине I, Юстине II, Тиберии, Маврикии, Фоке, Ираклии, Константине Бородатом, Юстиниане Корноносом, Филиппике Вардане и других. В Хр. 1512 введен новый материал о западноримском императоре Гонории и о вандальских королях Гейзерихе и Гелимере. В нескольких главах и статьях излагается история славянских народов: это статьи о происхождении славян, крещении болгар, о переводе книг на славянский язык, о епископе Иларионе Мегленском, о сербских деспотах, о болгарских царях Калуяне, Бориле, Асане, о Савве Сербском и т. д.

Прежде чем перейти к рассмотрению последней темы Хронографа — истории Русского государства — оглянемся на уже просмотренный материал и попытаемся охарактеризовать на первый взгляд противоречивую работу составителя Хр. 1512, одновременно и сокращавшего и допол-

⁵⁰ Ср. приведенный выше заголовок в Хр. Манассии.

⁵¹ Хр. 1512, стр. 224—228.

⁵² См. главы 109, 110, 111, 115, 116.

⁵³ См. главы 115, 116.

⁵⁴ См. главы 111, 112, 113.

нявшего свой основной источник — ЕЛ-2. Можно прибегнуть к такому сравнению. ЕЛ-2 подобен крепости, строившейся в течение многих лет и отразившей в своем современном виде замыслы и вкусы нескольких поколений строителей: на одном ее углу — огромная толстенная башня, а на другом — ветхая стрельница, едва достигающая уровня стены. С севера крепость восхищает нас своей суровой простотой и строгостью, а с востока ее стены обросли живописными пристройками... И вот искусный и мудрый инженер-фортификатор начинает перестраивать крепость. Он не стал надстраивать все ее стены и башни еще на сажень или, напротив, разрушать все, что было построено его предшественниками. Он озабочен другим: чтобы со всех сторон крепость была бы одинаково неприступна, чтобы все в ней служило нуждам обороны и ничему более. Поэтому он приказывает разобрат верх самой высокой башни, но одновременно надстроить до ее нового уровня все остальные, он разрушил остатки старой стены, но зато новая, возведенная им стена стала шире и выше.

Составитель Хр. 1512 подобен этому фортификатору. Он сосредотачивает все свое внимание на изложении истории мира в ее главном, «магистральном» течении. Он сокращает чрезмерно громоздкие разделы повествования, но зато дополняет слишком краткие, он заменяет менее выразительные рассказы новыми, извлеченными из других источников, безжалостно опускает все лишнее, все, что отвлекает от основной задачи его труда. Он добивается единого стиля, единого ритма изложения. Гармония форм его создания не была самоцелью, она результат гармоничности содержания, как симметрия и строгость силуэта перестроенной крепости в конце концов — результат стремлений улучшить ее боевые качества.

Мы уже приближаемся к ответу на вопрос, поставленный нами в начале работы, — на вопрос о назначении жанра хронографа в представлении его создателя. Что интересовало его более всего: создать систематическое и исчерпывающее изложение основных этапов мировой истории или же собрать коллекцию нравоучительных исторических анекдотов (разумеется, в прежнем, глубоко серьезном значении этого термина), где каждый из них важен сам по себе, но менее существенна их связь друг с другом?

Ответить на этот вопрос поможет нам анализ последней тематической части Хр. 1512 — рассказа об истории Русского государства. Здесь составитель Хр. 1512 словно бы утратил присущее ему чувство единства стиля: использованные им летописные заметки сохраняют свою традиционную форму, чаще всего это краткие погодные записи, предваряющиеся традиционной летописной формулой «в лето...». Меняется даже стиль заголовков: они становятся безлико однообразными. Например, «Великое княжение Русское»,⁵⁵ или «Русское великое княжение»,⁵⁶ или «Великое княжение Московское».⁵⁷ Сюжетных рассказов становится крайне мало: это статьи «О взятии Москвы», «О убиении великого князя Юрия», «О князи Дмитрии Красном» и некоторые другие.

В чем же причина этого нарушения гармонии, о которой мы только что говорили? Ответ на этот вопрос осложнялся предположением, что русские статьи Хр. 1512 были специально обработаны для своего труда его составителем. Но после того как Б. М. Клосс убедительно доказал

⁵⁵ Хр. 1512, стр. 382, 388, 396, 401, 409, 411, 422, 435.

⁵⁶ Там же, стр. 386.

⁵⁷ Там же, стр. 409, 430.

зависимость русских статей Хр. 1512 от сокращенных сводов конца XV в.,⁵⁸ стало ясно, что составитель Хр. 1512 не редактировал эти статьи, а взял их почти без изменений из летописного свода. Стиль русских статей Хронографа был создан не его составителем, а составителем сокращенных сводов. К какому выводу приводит нас это обстоятельство? Думается, оно подтверждает уже не раз высказанную мысль, что создание исторического, «научного» труда было основной задачей, поставленной и усупно разрешенной составителем Хр. 1512.

Итак, задачей составителя Хронографа было создание исторической энциклопедии, но при этом выходящей за узкие рамки историографической концепции Израиль—Рим—Византия или ее модернизированной формы, уже чисто христианской «триады»: Рим—Византия—Русь.⁵⁹ Хронист стремился всемерно расширить исторический кругозор своего труда, одновременно, по необходимости, сжимая его объем. Поставив перед собой задачу ввести в русло мировой истории историю славянских народов и историю Руси, он оказался в затруднительном положении, так как в основных источниках его труда — в хрониках Амартола, Зонары и Манассии — о славянах говорилось лишь вскользь, при этом в названных хрониках изложение доводилось лишь до IX—XI вв. Правда, составитель ЕЛ-2 ввел в состав своего свода статьи о походах Олега и Игоря на Византию, основанные или дополненные на материале «Повести временных лет»,⁶⁰ но это не решало задачи.

Материал по истории южных славян составитель Хр. 1512 нашел в житиях сербских государственных и церковных деятелей — архиепископа Саввы, деспота Стефана, Илариона Меглинского. Для изложения русских событий он нашел, как ему представилось, крайне благодарный материал — Сокращенный летописный свод, представлявший собой весьма компактное, но в то же время достаточно подробное изложение основных событий русской истории.⁶¹

Можно заметить, что принципы использования Сокращенного свода (далее: СКС) у составителя Хр. 1512 постепенно менялись. Первоначально он, видимо, намеревался полностью включить текст СКС в состав Хронографа: он почти дословно цитирует свой источник и прибегает к пропускам лишь в исключительных и вполне объяснимых случаях. Так, хронист обращается к СКС лишь начиная с рассказа о «разделении языков»,⁶² поскольку предшествующее изложение библейской истории уже имелось в Хр. 1512. Он пропускает краткие сведения о крещении болгар,⁶³ поскольку эти события изложены им подробнее по другим источникам.⁶⁴ Он позволяет себе даже дополнять краткий рассказ СКС, вставив (из другого места того же СКС) более подробные сведения о Рюрике, Синеусе и Труворе⁶⁵ или рассказав подробнее о подвиге юноши-

⁵⁸ Б. М. К л о с с. О времени создания Русского хронографа.

⁵⁹ Идеологические воззрения составителя Хр. 1512 уже привлекали внимание исследователей; см.: А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа, стр. 108—113; Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955, стр. 162—164.

⁶⁰ См. подробнее: Б. М. К л о с с. К вопросу о происхождении Еллинского летописца второго вида, наст. сб., стр. 370—379.

⁶¹ Наиболее близок к Хр. 1512 текст Мазуринского списка Сокращенного свода 1495 г. (ПСРЛ, т. XXVII, М.—Л., 1962, стр. 301—366), с которым далее и проводится сравнение.

⁶² Хр. 1512, стр. 345; ср. СКС, стр. 308.

⁶³ СКС, стр. 311, статьи 6377 и 6407 гг.

⁶⁴ По хроникам Манассии и Зонары. См. Хр. 1512, стр. 347—348.

⁶⁵ Хр. 1512, стр. 349; ср. СКС, стр. 306.

кожемяки.⁶⁶ Но начиная со статьи 6777 года (1271 г.) пропуски целых годовых статей (впрочем, как правило, очень кратких, часто состоящих лишь из одной-двух фраз) или фрагментов из статей становятся все более частыми. Так, в статье 6804 года опущено сообщение о приходе посла из Орды,⁶⁷ в статье 6812 года — сведения о месте захоронения князя Андрея Александровича и о выступлении боярина Иакинфа против своего князя,⁶⁸ опущены статьи 6818—6820 гг.,⁶⁹ сообщение о смерти князя Бориса Даниловича из статьи 6824 г.⁷⁰ и т. д. Нам не удалось проследить в этих сокращениях какой-либо определенной тенденции. Скорее всего эти сокращения были вызваны чисто «техническими» причинами (конспективность изложения в СКС не позволяла составителю Хр. 1512 прибегнуть к испытанному им методу краткого пересказа источника); так как объем труда угрожающе возрастал, хронист должен был поступиться какими-то показавшимися ему не слишком важными сведениями.

При этой общей тенденции к сокращению источника имеется лишь несколько дополнений в повествовании о русских событиях, сравнительно с СКС (статьи «О пришествии Руси на Царьград», «О войне Олгове на Царьград», «О русском князи Игоре», начало статьи «О русском князи», статья «О Цветославе», пространный рассказ о нашествии Батыя на Русь и статья «О князи Димитрие Красном»).

Итак, рассмотрев композицию Хр. 1512, мы можем прийти к выводу, что, каково бы ни было наше читательское восприятие Хронографа (как, впрочем, и читательское восприятие на Руси XVI—XVIII веков), он по своим задачам и замыслу составителя был прежде всего серьезным историографическим исследованием. Мы утверждали эту точку зрения, рассматривая хрониста как редактора, но у нас есть (хотя и чрезвычайно ограниченная) возможность увидеть его также как автора и исследователя. Упомянем некоторые характерные факты.

Во-первых, обратим внимание на «предисловие» к Хр. 1512. Оно состоит из четырех статей (возможно, впрочем, что собственно «предисловием» является лишь первая из них, а остальные три — вводящие статьи к Хронографу): «Изложение о вере», «Святаго Феодорита, како подобает креститься», «Указ, чесо ради поклоняемся на вѣсток» и «Летописчик вкратце». Богословский характер первых трех статей несомненен: в них излагаются основы христианской веры и ритуала. Но в конце статьи «Изложение о вере» есть любопытный авторский рассказ о своей работе.⁷¹ «Мы, желающе нечто разумети от части таковых (Ветхого и Нового заветов, — О. Т.) в многи и длъговременныя труды внидохом, еже избрати ото многих летописных и бытийских книг нужнейшаа и совокупити во едино, занеже те книги вси о едином пишут, а во всех многаа рознь: тот то оставил, а ин ино, и за величество тех книг неудобно есть их всех стяжати . . . Божиим же попущением нашешду искушению тяжку и за многое уныние и скорбь одержашую, получих таковыа книги, начах такое дело и многа лета в сих упражняся и вѣстерзаа от многих летописных книг добрейшаа, якоже цветы некия и совъкупляа во едино, или

⁶⁶ Хр. 1512, стр. 367; ср. СКС, стр. 314.

⁶⁷ СКС, стр. 322; ср. Хр. 1512, стр. 402.

⁶⁸ СКС, стр. 322; ср. Хр. 1512, стр. 402.

⁶⁹ СКС, стр. 323; ср. Хр. 1512, стр. 403.

⁷⁰ СКС, стр. 323; ср. Хр. 1512, стр. 403.

⁷¹ Предположение А. Н. Попова (Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 3—4), что предисловие к Хр. 1512 — перевод с иреческого, опровергнуто в ходе дальнейшего изучения истории памятника.

якоже сог медвеный исполнь сладости духовныя, или яко очи исторг от всех тех книг, мног же подъях труд за разногласие речей в тех книгах, изыскуя праваа и за разгласие многих пословиць». Далее составитель Хронографа, по обычаю средневековых книжников, просит будущих читателей и переписчиков «не поставитъ в грех», «елико неразумна ради речи силу премених, или за неудобь разумныя старья [и] иностранныя речи». ⁷² Хронист, как видим, характеризует именно те стороны своего труда, на которые мы уже обратили внимание: необходимость сократить свои источники, так как «за величество тех книг неудобно есть их всех стяжати»; его беспокоила «многаа рознь» источников и «разгласие речей» в них; он собирал материал «въстрезаа от многих летописных книг добрейшаа». Словом, перед нами средневековый историк, если угодно — источниковед, с чувством большой ответственности подходивший к своему труду.

Рассмотрим несколько «микровставок» — комментариев и моральных сентенций, принадлежащих составителю Хр. 1512. ⁷³ Передав библейский рассказ об избииении младенцев по приказу египетского фараона, хронист добавляет: «Не точию же того ради сие сотвори, яко умножахуся людие, но пишет инде, яко рекоша фараону вольсви яко родися отроча, иже имат погубити Египта». ⁷⁴ В рассказе о «сени сведения» — снова добавление: «инде пишет: смирны и цвѣта и кинамома благоуханиа и масло от четырех вид съставлено». ⁷⁵ В рассказе о переводе «книг иудейского закона» при Птолемеѣ Братолюбивом добавлено из иного источника («Сие же пишет инде»), что «Симион Богоприимецъ един бе от тех учителей (72 «толковников», — О. Т.)» и когда «лучися ему преводити пророчество Исаия пророка», он «вземь ножь, хотяше загладити» пророчество о рождении Христа, но ангел удержал его руку и обещал, что он не умрет, пока не увидит и не «приимет на руку свою» чудесного младенца. ⁷⁶ В рассказе о распятии Христа хронист приводит свидетельство из апокрифического Евангелия Никодима («Деяние святыя Троица»), что после распятия «Семионови Богоприимца два сына вѣсташа, Карин и Лицешь, и возвестиша сотвореная Христом во аде». ⁷⁷ Все приведенные вставки обнаруживают специальный интерес составителя Хр. 1512 к богословским толкованиям, ⁷⁸ апокрифическим версиям ⁷⁹ и к подробностям церковного ритуала.

Многие вставки носят сугубо исторический или источниковедческий характер. Так, после сообщения Хр. Манассии, что Эней построил город Леун, добавлено: «во имя жены своея Лаунии, и сего ради страна она наречеша Латыя и елици вселишася в ней именовашеся Латыне». ⁸⁰ Комментируя миф о волчице, воспитавшей Ромула и Рема, хронист добавляет: «Инде же глаголють, яко обрете их жена польскаа, пасущиа овца и всегда с волкы пребывающи все время, сего ради нарицають еа Волчицю». ⁸¹

⁷² Хр. 1512, стр. 18.

⁷³ Сюда же относим и ссылки на другие источники, вводимые обычно словами «инде пишет», где составитель Хр. 1512 является, по существу, комментатором текста.

⁷⁴ Хр. 1512, стр. 59.

⁷⁵ Там же, стр. 69.

⁷⁶ Там же, стр. 215.

⁷⁷ Там же, стр. 239.

⁷⁸ Ср. также статью, добавленную составителем Хр. 1512, «Толкование о святей Троици, иже явися Аврааму».

⁷⁹ В Хр. 1512 имеется несколько значительных по объему вставок апокрифических легенд (находящих соответствие в тексте Палея).

⁸⁰ Хр. 1512, стр. 225.

⁸¹ Там же, стр. 226.

Приведя «свидетельство» Иосифа Флавия о воскресении Христа, хронист сообщает о самом Иосифе: «Си пишеть Иосип Евреин, слыша чюдеса Спаса нашего, со удивлением глаголетъ, веру же истинну не подшася стяжати, яко поистинне бог явися во плоти...».⁸² В рассказе о смерти Тита, основанном на Хр. Манассии, добавлена версия из Хроники Зонары: «А инде пишеть, яко убиен бысть в полате», и тут же — версия ЕЛ-2: «а в Бытии пишеть, яко в час жатвенный, весь день шествовав и солнцем палим... зело изнемог».⁸³ В летописные статьи, извлеченные из СКС, хронист постоянно вставляет генеалогические сведения — чаще всего перечисления сыновей упоминаемого в летописной статье князя.⁸⁴

Другой редакторский принцип хрониста заключался в постоянном внимании к правильному расположению фрагментов, извлеченных из разных источников, исходя из хронологического соотношения описываемых в них событий. Как уже говорилось, структура памятника была подчинена церковно-исторической концепции о смене «богоизбранных царств». Но эта схема иногда нарушается и нарушается, как правило, в угоду подлинному историзму. Именно этим могут быть объяснены случаи, когда связанный рассказ перебивается вставками из других источников. Обратим, например, внимание на место, выбранное составителем Хр. 1512 для вставки двух статей из Хр. Манассии — «О разрушении царства Ассирийскаго. Царство Сосистрия, царя египетскаго, иже Ассирийское царство разруши» и «Царство Сарданапала, царя сирскаго».⁸⁵ Статьи эти оторваны от основного рассказа об истории стран древнего Востока (см. статьи «О Кире», «О Лидийском царствии» и др.) и разрезают повествование между рассказом о 15-м царстве в Иудее и о 15-м царстве в Самарии. Но все объясняют добавления в конце обеих статей, не находящие себе параллелей в тексте Хр. Манассии. После рассказа о Сосистрии говорится: «Египетская убо царьская власть постиже в 1000 лет и 600 и 63, царство же паки рода ассирийскаго бысть тысяща лет и триста, даждь и до Сарьданапала». После статьи о Сарданапале добавлено: «Потом же преиде ассирийская власть и на инья: на Теглафальсара, иже плени многи от 12-те племен иззраилевых, таже на Салмонасара, иже Самарию разори и жиды в плен отведе, потом же (на Сенахерима Гордаго, иже облада землею Ассирийскою и языком Вавилонским и родом мидским).⁸⁶ Евъреи же облада тогда Езекия». Видимо, составитель Хр. 1512, выбирая место для статей о Сосистрии и Сарданапале, стремился соотнести описываемые в них события с современными им событиями библейской истории. В дополнении к первой статье упоминается Сарданапал, о котором пойдет речь во второй из добавленных статей, а в этой последней говорится о Салмонасаре, том самом, о завоевании которым Израильского царства пойдет речь в следующей статье — «Царство 15 над Израилем в Самарии». О Езекии, упоминаемом в дополнении ко второй статье, говорилось в статье «Царство 15 надо иудю во Иерусалиме», предшествовавшей рассматриваемым статьям из Хр. Манассии.

Другой пример — глава 70, представляющая собой извлечение из библейской книги Товия. События, описываемые в этой книге, происходили во времена ассирийского царя Салмонасара. Исходя из хронологического принципа, составитель Хр. 1512 вставил извлечение из книги Товия между статьями, восходящими к XVII и XVIII главам IV книги Царств, та-

⁸² Там же, стр. 239.

⁸³ Там же, стр. 253.

⁸⁴ См., например, статьи 6633, 6665, 6712, 6771 гг. и др.

⁸⁵ Хр. 1512, стр. 150—151.

⁸⁶ Слова, заключенные в скобки, восходят к Хр. Манассии.

ким образом, снова разрезав библейский текст. Статьи о Христе и богородице, значительно дополненные сравнительно с ЕЛ-2, не собраны воедино, а читаются (в соответствии с хронологией описываемых событий) фрагментарно — в главах, посвященных правлению императоров Октавиана Августа, Тиберия и Нерона. Хронологическим принципом определяется и место статей о славянах. Статья «О словенском языке и о русском», рассказывающая о расселении славян, и примыкающие к ней статьи о крещении болгар соотнесены с рассказом о императоре Михаиле III (842—867 гг.) и его соправителе, будущем императоре Василии I, ибо дата крещения болгарского царя Бориса и деятельность создателей славянской азбуки Константина-Кирилла и Мефодия приходится на середину шестидесятых годов IX века. Естественно, что тут же помещается и статья о нападении Руси на Царьград, происшедшем, согласно летописи, в 866 году. Сохранение хронологической сетки в статьях по русской истории, наличие нескольких хронологических выкладок — расчетов лет до того или иного события «от Адама» или иной знаменательной даты прошлого⁸⁷ — все это также говорит о хронологии как важном, с точки зрения составителя Хронографа, элементе его труда.

Нам кажется, что эти наблюдения подтверждают взгляд, высказанный еще в процессе анализа композиции Хронографа, а именно мнение, что Хронограф — это жанр исторического повествования; в глазах своего создателя Хронограф — прежде всего «научный», исторический труд. Композиция его, соразмерность частей, их хронологическая соотнесенность, а главное — «фактическая достоверность» (в понимании того времени и доступная по состоянию источников) — вот что было основной заботой составителя Хронографа, его нелегким трудом, с которым он справился, как мы старались показать, мастерски.

Теперь, когда мы привели достаточно фактов, свидетельствующих, что хронист субъективно был не писателем, но историком и именно с историко-познавательных позиций рассматривал свой труд, можно обратиться к другой стороне его творчества — к его литературному мастерству, сыгравшему немаловажную роль в том, что Хронограф стал одним из популярнейших памятников древнерусской литературы XVI—XVII вв.

Редакторская работа составителя Хр. 1512 проходила как бы на двух уровнях: композиционно-сюжетном и стилистическом. Мы уже говорили о композиционных принципах хрониста, о его методах обработки источников: сокращении, пересказе, контаминации. Сейчас же обратимся к собственно стилистической редактуре. Формально и здесь можно говорить о сокращениях, вставках, пересказах, но по существу перед нами один метод — близкий к источникам пересказ, сопровождаемый искусной стилистической правкой: хронист упрощает синтаксические конструкции, заменяет непривычные или устаревшие обороты речи более современными и традиционными, с помощью «микровставок» проясняет текст, делает рассказ более понятным и образным. Приведем несколько примеров изменения текста Хр. Манассии под пером редактора Хр. 1512.

1. Хр. Манассии:⁸⁸ «и убо наветовавшеи на царе сътрясеше душами от страха варварова, злоумие отвръгош(я) и злонравие, и от съвета осташ(я)ся злого и начинания» (стр. 100).

Хр. 1512: «они же, убоявшеся страха варварова, престаша лещь сшивати на юннаго» (стр. 284).

⁸⁷ См., например, Хр. 1512, стр. 253—254, 269, 354 и др.

⁸⁸ Текст Хр. Манассии цитируется с орфографическими упрощениями. В случаях смещения юсов восстанавливается этимологическое чтение; реконструируемые буквы заключаются в скобки.

2. Хр. Манассии: «Беше в Афинох некто муж, Леонтие нарицаем... сему от едины(я) жены родиш(я)ся три дети: две же бесте мужьскыи пол, а третие дъщи, дъщи светообразна и весела, Афина же наречена быт отъцем своим отроковица» (стр. 101).

Хр. 1512: «Бяше же во Афинех муж, именем Леонтие ... имяше два сына от единыя жены и дщерь именем Афина, дщи светообразна и весела» (стр. 284).

3. Хр. Манассии: «Царица убо плавааше в мори житеистем, ясными и тихыми ветры носима, безмольвно проваждаше плавание добраго житиа, якоже корабль отоварен прилежным ветром плава(я). Н(о) напрасно дъхну яки буре вражда, и ветр смути море, и буре облак разседесе мутен и низведе буря, съмути и сътрясе ладиу, яки листо, и мльвы въздвиже люты и съмушениа тяшка, и ладиу убо съкруши, на возящ(яя) же ся уста люта отвръзе зиания злоплавнаго. От сего убо царица горести наплънися и с искушении брася тьшкобедными. Что же бе нападшее на ня, слово скажет» (стр. 102—103).

Хр. 1512: «Царица убо Евдокиа добре плавааше в мори житийстем, ясными и тихими ветры носима. Но напрасно дохну яко буря вражда и стрясе ладиу, яко лист. Что бе нападшее на ню, слово скажет» (стр. 287).

4. Хр. Манассии: «Удиви бо ся царица възору овошному, паче естества въмени доброту абльчнуу, и любочъстие имящи к светлому Павлину, яко съспешествовавшу еи възыти на высоту царства, абльком горкотворивым мужа почте. Он же цареви дар възпускает, не веды, якоже достоин, откуду принесено быт, ключи бо ся не быти с царем тогда окаанному, егда Феодосие приемааше аблько адово горкое, аще речет кто, овощие съмрътно, емуже насадитель съмръть и садоделатель ад. Виде же аблько дръж(а)и, и позна овощие, съкры убо аблько у себе и мльчанием удръжа, възпроси жену свою, где ест аблько» (стр. 103).⁸⁹

Хр. 1512: «Удивися убо царица взору овошному и посла его к светлому и другу цареву Павлину, любочествоваущи его, яко спешествовавшу ей възыти на высоту царства, яблоком горкотворивым мужа почте. Он же пакы его к цареви посылает, не ведый, яко от царя к царици доиде, не случи бо ся тогда ему быти с царем. Царь же, взем, скры е и възпроси царицу, где ест яблоко» (стр. 287).

5. Хр. Манассии: «Се пособника възем Гизерих прокаженыи, толикуу възможе потопити рать. Василиск бо многым уязвен быв златом, пръвыи погляда на бег по съвещанию, и оттоли възпятившуся имениа гръчскаа, и индианы устрашившаа и сущиих в Вретании и възсек язык и възся земля и рать страшнуу един блъсък злата възможе погубити, без руку и без стрел и без оружия» (стр. 110).

Хр. 1512: «Сие пособника приим, Гизгирих проказивый толику възможе потопити рать безо оружия и стрел едином блеском злата, обеща Василиску множество того. Василиск же многим уязвися златом, на бегство устремися. И всех победи Гизгирих, инии же сами истопишася. Сиа приключишася греком и римляном в Ливии» (стр. 289).

Приведенные сопоставления позволяют проследить процесс стилистической правки, которой подвергся текст Хр. Манассии под пером составителя Хр. 1512. Ему была не чуждой словесная пышность и яркая образность языка, присущие Хр. Манассии, но он избегает ее риторических

⁸⁹ Речь идет о следующем: император Феодосий подарил своей жене Евдокии яблоко невиданных размеров и красоты. Евдокия же преподнесла яблоко царедворцу Павлину, помогшему ей стать женой Феодосия. Павлин же в свою очередь подарил яблоко императору. Феодосий приревновал жену: Павлин был казнен, а Евдокия была вынуждена покинуть двор и уехать в Палестину.

излишеств, чрезмерно громоздких сравнений или метафор, ее усложненного синтаксиса, редких и устаревших слов. Так, в приведенных выше примерах мы видим, что составитель Хр. 1512 значительно сократил развернутое сравнение судьбы Евдокии с судьбой корабля, застигнутого внезапной бурей (пример 3). Он опустил перефразы, в которых, варьируясь, повторяется мысль о роковой роли, которую сыграло в судьбе Евдокии подаренное ей Феодосием яблоко: «аблько адово горкое, аще речет кто, оwoщне смъртно, емуже насадитель смъртъ и саделатель ад» — и оставляет лишь первый осудительный эпитет: «яблоком горкотворивым» (пример 4). Зачастую оборот Хр. Манассии заменяется в Хр. 1512 синонимичным, но более простым по конструкции оборотом. Например, вместо «сътрясешся душами от страха варварова» в Хр. 1512 — «убоявшися страха варварова» (пример 1). Вместо «злоумие отвръгоша и злонаравие и от съвета оставшуся злаго и начинаниа» в Хр. 1512 коротко — «престаша лещь шивати». Вместо слов «сему от единыя жены родишася три дети: две же бесте мужьскый пол, а третие дъщи» в Хр. 1512 короче и проще: «имяще два сына от единыя жены и дщерь» (пример 2). Вместо «поглядя на бег» — «на бегство устремися» (пример 5).

Добиваясь ясности и простоты изложения, составитель Хр. 1512 не только сокращает текст. В рассказе о Евдокии и Павлине, например, вводится новое сказуемое: «Удивися убо царица взору оwoщному и посла его (яблоко, — О. Т.) к ... Павлину», тогда как в Хр. Манассии указание на поступок царицы — «абльком горкотворивым мужа почъте» — находилось в конце фразы, создавая тем самым инверсию. В том же примере любопытна также замена слов «дар въспущает» словами «паки его (яблоко, — О. Т.) к цареви посылаетъ»; при этом наречием «паки» подчеркивается, что яблоко вновь возвращается к царю. В Хр. Манассии сказано, что Павлин «не веды... откуда принесено быст» яблоко; в Хр. 1512 определенной: «не ведый, яко от царя к царице доиде».

В статье «О вражде царицы Евдокии», откуда извлечены 2—4-й примеры, мы встретим две искусно введенные в текст «уточняющие» вставки из Хр. Амартола. Во фразе «Он же (император Феодосий, — О. Т.) благозрачию удивлься оwoщному и красоте и величеству почюдився, и дарова убоzому, принесъшему ему, сто и пятьдесят златиць, яблоко же посла, яко нов дар царицы» выделенные курсивом слова восходят к Хр. Амартола.⁹⁰ Возможно, под влиянием того же источника в Хр. 1512 добавлено, что Павлин был «другом царя».⁹¹ Из Хр. Амартола вставлен и фрагмент «испрошаеться у царя и отходить во Иерусалим ... без вины убиен бысть».⁹²

В 5-м примере, извлеченном из статьи «Царство Лава Великаго» (гл. 133), составитель перекомпоновал текст своего источника, переставив слова «един блъск злата ... и без оружия», опустив фрагмент «оттоле въспятвшуся ... и въся земля и рать страшнуу» и добавив в конце слова «и всех победи Гизгирих, инии же сами истопишася. Сие приключишася греком и римляном в Ливии», прекрасно завершающие рассказ, тогда как в Хр. Манассии он заключался эффектно выраженным, но далеко не конкретным сообщением.

⁹⁰ См.: В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Т. 1. Пгр., 1920, стр. 401. Слова «принесшему ему» добавлены составителем Хр. 1512.

⁹¹ Ср. там же, стр. 401: «помогшу ей (Евдокии, — О. Т.) другу и въспитану с цесаремъ Павлину» и далее: «Павлин ... дружив цесарю».

⁹² Там же, стр. 401—402.

Те же приемы редакторской правки и перекомпоновки текста мы увидим и в других статьях Хр. 1512. В статье «Царство Михаила старца Апостратиотика» (гл. 183) не совсем ясное выражение Манассии «от служения убо его рать погыбе» (Хр. Манассии, стр. 211) заменено словами «При нем же греческое военачалие оскудеваше, яко при старцей немощне» (Хр. 1512, стр. 375), просто и внятно рисуящими обстановку, сложившуюся во время правления старца императора; метафору «не возможе сердечныя отрасли на свет произвести и показати сущий во глубине клас» составитель Хр. 1512 сопровождает разъяснением: «рекше сына родити наследника царствию»; в последующем рассказе также добавлены необходимые разъяснения и уточнения, опущены некоторые эпитеты и т. д. Словом, можно с уверенностью сказать, что стиль Хр. 1512, особенно статей по римской и византийской истории, в значительной мере является результатом редакторской работы его составителя.

Редакторская обработка не могла, однако, полностью стереть тот особый стилевой колорит, который привнесен в Хронограф его источниками и особенно Хр. Манассии. Экспрессивно-эмоциональный стиль, присущий этой Хронике и унаследованный у нее Хронографом, заслонил своей яркой образностью, каскадом сравнений, эпитетов, эмоциональностью авторских восклицаний и т. п. более скромный стиль библейских книг, «Александрии», хроник Амартола и Малалы, сербских житий, русского летописного свода. Поэтому именно он стал представлять в глазах читателя и исследователя особый «стиль хронографа». Д. С. Лихачев, характеризуя стиль Хр. 1512 (в восходящих к Хр. Манассии частях), пишет: «Автор как бы не может удержать своих чувств, он одержим необходимостью высказаться. ... Речь его превращается в сплошной поток: образы, сравнения, эпитеты заполняют текст. Автор не находит точных, необходимых слов для выражения своих мыслей: он нагромождает синонимы, уснащает речь сравнениями, обильно пользуется неологизмами и т. д. и т. п.»⁹³ Эта характеристика верна, но необходимо одно существенное уточнение: перед нами не «стиль Хронографа», а лишь те черты Хр. Манассии, которые составитель Хр. 1512 счел возможным сохранить. Для его собственных добавлений характерна, как правило, ясная простота и конкретность — черты, противоположные тем, которые отличают стиль Хр. Манассии.

Хронограф редакции 1617 г.

Следующей после Хр. 1512 редакцией Русского хронографа была редакция, названная нами Пространной и дошедшая до нас в двух своих разновидностях: редакциях 1599 и 1601 г.⁹⁴ Пространная редакция не представляет интереса для наблюдений над эволюцией жанра хронографа: ее основное отличие от Хр. 1512 заключается в распространении по библейскому тексту сокращенного пересказа библейских книг, содержащегося в Хр. 1512, и во вставке нескольких новых статей, не объединенных, однако, какой-либо общей тенденцией.⁹⁵ Поэтому мы обратимся далее к редакции 1617 года — важнейшему этапу в истории русского хро-

⁹³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 88.

⁹⁴ Текстологическому обоснованию вторичности Пространной редакции по отношению к Хр. 1512 (вопреки мнению С. П. Розанова и последовавшего за ним в этом вопросе А. А. Шахматова) посвящена особая работа, в настоящее время подготовленная к печати.

⁹⁵ С. П. Розанов. Заметки по вопросу о русских хронографах. — ЖМНП, 1904, ч. CCCLI, январь, стр. 112—115.

нографа, к редакции, определившей лицо жанра на протяжении XVII и первой половины XVIII в.

В начале XVII в. (если судить по расчету лет в статье «Об отложении мяса иноком» — в 1617 году) создается новая редакция Русского хронографа (далее: Хр. 1617), существенно отличающаяся от Хр. 1512 — своего основного источника.⁹⁶ Эти отличия проще всего было бы объяснить влиянием второго по значимости и степени использования источника Хр. 1617 — Хроники Мартина Бельского (далее: Хр. Бельского).⁹⁷ Но справедливее, на наш взгляд, говорить не столько об изменении характера Хронографа под влиянием Хр. Бельского (хотя такое влияние, бесспорно, имело место), сколько о том, что само обращение к Бельскому явилось уже следствием возникших в это время в русском обществе новых запросов и интересов. Этот идеологический процесс заслуживает особого рассмотрения, но в данной работе перед нами стоит более скромная задача: отметить отличия Хр. 1617 от редакции 1512 года, т. е. изменения, являющиеся не только следствием указанного идеологического процесса, но и наглядным материалом для его изучения.

Прежде всего отметим, что в Хр. 1617 значительно сокращены статьи, посвященные библейской истории. Короче изложен рассказ об Аврааме, причем полностью опущена статья «Толкование о святой Троице, иже явился Аврааму», сокращены рассказы о Исааке, Иакове, Иосифе, короче излагается история Моисея. В дальнейшем сокращения текста становятся все более значительными. Возможно, это объясняется чисто формальными причинами: видя, что, несмотря на сделанные уже купюры, текст редакции грозит остаться непомерно большим, составитель Хр. 1617 становится от статьи к статье все решительнее: он не только выпускает небольшие сюжетные фрагменты и отдельные фразы, как это делал и раньше, но все чаще прибегает к конспективному пересказу целых глав и статей. Так, в статье о Самсоне опущены такие эпизоды, как ссора Самсона с женой, история с лисицами, избиение иноплемеников ослиной челюстью и др. Полностью отсутствует соответствие статье «О левите» (гл. 29 Хр. 1512), главе 30, первым статьям главы 31. Статьи «О Самуиле» и «О пленении кивота господня» (см. стр. 103—106 в издании Хр. 1512) в Хр. 1617 пересказаны двумя фразами: «И посем бысть судия во Израили иерей Или, иже судил Израила 20 лет, тогда киот завета господня пленен бысть. И по нем судил Израилю Самоил пророк лет 30».⁹⁸ Правда, редактор не только сокращал текст Хр. 1512, но и перерабатывал его, привлекая иногда новые источники. Он заменил, например, читавшийся в Хр. 1512 рассказ о Каине и Авеле (из Хр. Манассии) фрагментом из Библии, сделал вставку из ЕЛ в статью о Сифе и в статью «О столпотворении и о разделении язык», вставил из летописи рассказ о разделении земли между сыновьями Ноя, сделал несколько вставок из Хр. Бельского и т. д. Но в целом, повторяем, библейская тема в Хр. 1617 подверглась значительному сокращению.

Мы помним, что в Хр. 1512 была представлена и тема «географическая». Хронист дополнил скупой библейский рассказ о сотворении мира

⁹⁶ О соотношении редакций 1512 и 1617 гг. и обоснование выбора цитируемого далее списка Хр. 1617 (БАН, Арханг. собр., С 139), как представителя древнейшего вида этой редакции, см. в нашей статье «О Хронографе редакции 1617 г.» (ТОДРА, т. XXV, М.—Л., 1970, стр. 162—177).

⁹⁷ Русский перевод Хроники Мартина Бельского был осуществлен с ее польского издания 1564 г. в последней четверти XVI в. Все цитаты даются по списку перевода: БАН, Арханг. собр., Д 422.

⁹⁸ Хр. 1617, список БАН, Арханг. собр., С 139, л. 96 (далее: Арх.).

выписками из Епифания Кипрского, Севериана Гевальского и Хр. Манассии, содержащими многочисленные красочные подробности, а рассказ о пребывании в раю Адама и Евы дал повод Константину Манассии (и цитирующему его хронисту) рассказать о разнообразии растительного и животного мира (см. выше, стр. 206). Непосредственно к рассказу о рае в Хр. 1512 примыкала собственно географическая статья «О четырех великих морях».

В Хр. 1617 географическая тема значительно расширена. За статьей «О четырех великих морях» последовали статьи, извлеченные из Хр. Бельского: «Паки о морях», «О островах великих», «О горах великих». В 11-й главе Хр. 1617 приводится рассказ Хр. Бельского «О дивных людях» (это заглавие в Хр. 1617 отсутствует, а рассказ входит в статью «О размещении язык и прочее»). Любопытно, что текст Хр. 1617 распространен сравнительно с текстом перевода Хр. Бельского (дословно следующего оригиналу). Так, если в переводе хроники сказано: «Аstromове люди живут в Индейской земле, а губ у себя не имеют, ни пьют, не едят, лише носом отдышают, тем и живут»,⁹⁹ то в Хр. 1617 — иначе и с новыми подробностями: «Люди астромове, или астонии, живут во Индийской земли, сами мохнаты, без обоих губ, а питаются от дров и корення пахнучего, и от цветов, и от яблок лесных, а ни пьют, ни ядят, толко нюхают. А покаместа у них те запахи есть, по та места и живут».¹⁰⁰ Про одноглазых гигантов, живущих под горой Этна, в Хр. 1617 добавлено: «А мнят, что и нет на земли таких людей, чтобы у них было два ока. А родом те люди добре хороши, а молятся солнцу и месяцу».¹⁰¹ Отсутствует у Бельского следующий рассказ: «Люди зовоми апотамии ходят на ногах и на руках, браны у них долги, половина человека, а другая конь. А у жон их власов на главах нет, а живут в воде».¹⁰² Приведем еще любопытное заключение рассказа о «дивных» людях, также отсутствующее в переводе Хр. Бельского: «А все те люди на вселенную пошли от единого человека, рекше Адама. И за умножение грехов тако ся учиниша. Можем разумети то от жены Лотовы и от прочих, их же множество окаменеша».¹⁰³ Перед нами своеобразная попытка объяснить существование (сам факт существования у составителя Хронографа сомнений не вызывает) диковинных людей и примирить его с библейской концепцией о происхождении всех людей от Адама и Евы.

В 14-й главе «О Египетской и о Сирской земле», заимствованной также из Хр. Бельского, рассказывается о нравах и обычаях египтян; при этом составитель Хр. 1617 вносит в рассказ терминологию современной ему юридической процедуры. В переводе Бельского говорится: «Коли кто имел дело на суд итит, и оне памяти писали да давали царю. Какову ищеа (истец, — О. Т.) память даст, такову и ответчик. Потому что друг другу не может искати и отвещати для слез, и цари по их челобитным дела их разсуждали».¹⁰⁴ Этот не совсем ясный текст в Хр. 1617 передан так: «Суд царей египетских таков был: кому с кем судитися, и он преже истец подаст судие исковую роспись, за что и чево ищет. И потом ответчик так же подаст ответную роспис, и по тем их росписям судят, и скаску без их, и по суду скаску им учинят. И после тое скаски не крамолят».¹⁰⁵

⁹⁹ Хр. Бельского. Арханг. собр., Д 422, л. 15.

¹⁰⁰ Хр. 1617. Арх., л. 28.

¹⁰¹ Там же, л. 29 об.

¹⁰² Там же, л. 30.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Хр. Бельского. БАН, Арханг. собр., Д 422, л. 17 об.

¹⁰⁵ Хр. 1617. Арх., л. 33—33 об.

Географические и этнографические сведения мы встречаем и далее. В главе 50 находится несколько статей, восходящих к хроникам Бельского и Конрада Ликостена: «О граде Родисе», «О Коринфе граде», «О французовех», «О потоплении града Лакриса», а также сведения о землетрясениях, извержении Этны, солнечных затмениях и других чудесных «знамениях».¹⁰⁶

В 159-ю главу входят статьи, рассказывающие об открытии Америки, о ее природе и населении (сведения об Америке содержатся также в статье 3-й главы — «О островах великих»). Описание Америки и, особенно, быта туземцев полно фантастических подробностей. Например, рассказывается, что спутники Колумба «нашли остров диких людей, ходят наги, а ноги у них как лапы, а толь велики, что может весь человек плюсною (стопой, — *О. Т.*) покрытися».¹⁰⁷ Упомянем еще описание Медины, гроба Магомета и фрагменты из Хожения в Иерусалим купца Трифона Коробейникова, входящие в состав 159-й и 160-й глав Хр. 1617. Уже это перечисление «географических» статей Хронографа свидетельствует о значительном интересе, проявленном его составителем к космографической тематике.

При рассмотрении Хр. 1512 нам пришлось отмечать вставки, свидетельствующие об интересе его составителя к античной культуре и мифологии (см. выше, стр. 207). В начале XVII в. этот интерес продолжал возрастать, и составитель Хр. 1617 ввел в свою редакцию несколько статей, посвященных античной мифологии. Здесь мы находим пересказы мифов о Кроне (Сатурне), о борьбе богов с титанами, мифы о Геракле, Персее, Прометее, Дедале и Икаре, Вулкане, Орфее, царе Мидасе, Дидоне и др. Особенно любопытна статья «Имяна волхвом по родословию их», содержащая сведения о «генеалогии» нескольких десятков греко-римских богов и героев. Среди них оказываются также персонифицированные «страсти» и недуги: Немилость, Работа, Вред, Сон, Кашель, Упрямство, Старость, Драка и т. д. О внимании составителя Хр. 1617 к античным мифам свидетельствует и замена «Повести о создании и похищении Тройском», читавшейся в Хр. 1512, другой версией троянского цикла — повестью «О златом руне волшебного овна». Эта повесть, входящая в состав 24-й главы Хр. 1617, является переработкой одной из глав Хр. Бельского; при этом составитель Хр. 1617 использовал миф о Юпитере и Леде из статьи «О родстве и житии поганских богов» той же хроники, заменил некоторые сюжетные мотивы и имена и т. д.¹⁰⁸

Расширены, сравнительно с Хр. 1512, и сведения об античной культуре, хотя и в Хр. 1617 они по-прежнему ограничиваются в основном перечислением имен. Так, в статью «О Евере и еврейских письменех» из ЕЛ внесен фрагмент: «Инии глаголют, яко Промифеус грамматическую философию обрете, Епимеус же мусикийскую хитрость изыска, Атлас же астрономию сказа. Сего ради глаголют, яко Атлас в небо бьет, рекше небесное иматъ в сердцы своем».¹⁰⁹ В статье «О Деворе пророчице» эта вставка вновь повторена, но уже в большем объеме: она продолжена перечислением имен Софокла, Аристофана, Демосфена, Сократа, Пифагора (которому приписывается установление знаков зодиака), Гераклита и других реально существовавших или легендарных деятелей античной

¹⁰⁶ Там же, лл. 198 об.—200 об.

¹⁰⁷ Там же, л. 409 об.

¹⁰⁸ Подробней см. в нашей статье: «Троянские сказания в древнерусской литературе». (В кн.: Троянские сказания, стр. 159—160).

¹⁰⁹ Хр. 1617. Арх., л. 30 об.

культуры.¹¹⁰ В ту же главу введена и новая статья «О грамоте латинской», представляющая собой пересказ статьи Хр. Бельского о царевне Никострате, которая «сотворила письмена, рекше азбуки, с языка греческого по латинскому языку».¹¹¹ В главе 33 — «Сказание о пророце Данииле» — добавлена статья «О Афане, философе еллинском»: «При Ехонии цари иерусалимском бысть во еллинех философ Афан песнотворец, иже и лечебную хитрость позна и о воинских бранех книги написа, и те книги Александр Македонский любил и с собою их возил и часто прочитал».¹¹² Источник этой статьи, видимо, Хр. Бельского, однако текст ее сильно искажен: у Бельского говорится, что Гомер и Гесиод были «певчие и звездочетцы и лекари» и что Гомер «писал книги о делех воинских, которые книги Александр всегда носил и чел».¹¹³

Итак, античная мифология и культура, бесспорно, интересовали хрониста: он не случайно извлек все относящееся к этой теме из Хр. Бельского и сделал новые выписки из ЕЛ. Но при этом нельзя не отметить ограниченность его возможностей и малую осведомленность: для удовлетворения своего интереса составитель Хр. 1617 располагал лишь двумя уже упомянутыми источниками, причем был не в силах исправить их ошибку, а порой делал ошибки и сам, например спутав Гомера с Афаном (искажение имени Аристофан?).

Правомерен вопрос: насколько глубок был интерес книжника XVII в. к античности? Не был ли этот интерес чисто «литературно-этикетным»? В этом последнем случае имена античных философов и «песнотворцев» являлись для древнерусского книжника лишь атрибутами, олицетворениями наук, ремесел или искусств. Упоминание имен Гомера, Аристофана или Гераклита не только не могло свидетельствовать о знакомстве пишущего с произведениями этих авторов, но и не обязательно говорило о наличии у него и стремления к такому знакомству. Упоминание имен вполне могло быть своеобразной данью «культурному этикету». Семнадцатый век в истории русской культуры «принял на себя функции эпохи Возрождения».¹¹⁴ Установление степени и глубины знакомства книжников XVII в. с античной культурой позволило бы объективнее судить об одной из сторон этого знаменательного процесса.

Обратившись теперь к собственно исторической части Хр. 1617, мы обнаружим знакомые нам редакторские приемы: сокращение текста Хр. 1512 и одновременно с этим привлечение новых источников, прежде всего — Хр. Бельского. Не имеет смысла рассматривать каждое из таких изменений Хронографа. Существеннее рассмотреть то новое направление, в котором эволюционирует жанр.

На первый взгляд Хр. 1617 продолжает и даже совершенствует тот тип хронографического повествования, который был выработан редакцией 1512 года: в Хр. 1617 также последовательно, а в отдельных случаях и более подробно (ибо в поле зрения хрониста оказываются благодаря Хр. Бельского новые исторические факты) излагается история человечества. Казалось бы естественным, что составитель Хронографа, работающий в начале XVII в., перешагивает тот временной рубеж, на котором остановился его предшественник,¹¹⁵ и доводит изложение собы-

¹¹⁰ Там же, л. 91 об.

¹¹¹ Там же, л. 94—94 об.

¹¹² Там же, л. 144.

¹¹³ Хр. Бельского. БАН, Арханг. собр., Д 422, л. 223.

¹¹⁴ Д. С. Лихачев. Семнадцатый век в русской литературе. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, стр. 301.

¹¹⁵ Характерно, что в Хр. 1599 и Хр. 1601 изложение оканчивается, как и в Хр. 1512, рассказом о падении Константинополя.

тий до своего времени. Но именно это и свидетельствует о нарушении основного принципа первой редакции Русского хронографа.

Хр. 1512 кончался на 1453 г. не случайно. Падение Константинополя, «второго Рима», было важнейшей вехой для ортодоксального историографа средневековья. Это стало особенно отчетливо осознаться после того, как Б. М. Клосс доказал, что в руках у хрониста был СКС, доведивший повествование до самого конца XV в., и, следовательно, обрыв изложения на 1453 г. не определялся отсутствием материала. В Хр. 1617 идея «цикличности» или какой-либо иной закономерности исторического процесса отсутствует. Для составителя Хр. 1617 течение истории не имеет предела во времени: не случайно в отдельных списках изложение продолжено и включает сведения о дальнейшем царствовании Михаила Федоровича, о правлении Алексея Михайловича и о воцарении Петра I. Это расширение временных рамок сопровождается и другим, не менее знаменательным явлением: утрачивается соразмерность частей, равномерность изложения, которую мы отмечали в Хр. 1512. Так, русская история изложена в Хр. 1617 крайне неравномерно. События до середины XV в. изложены в основном по Хр. 1512,¹¹⁶ при этом текст источника значительно (и, как увидим далее, бессистемно) сокращен. В гл. 143 опущены погодные записи за 6654, 6660, 6661, 6665, 6666, 6667 и 6683 годы, в том числе сообщение о смерти Юрия Долгорукого и об убийстве Андрея Боголюбского, однако сохранено куда менее значительное сообщение, что в 6669 году «град Ростов погоре и церковь соборная деревяная сгорела». В гл. 144 пропущено сообщение о походе южнорусских князей на половцев и рассказ о походе Игоря Святославича. В гл. 148 сохранено сообщение о закладке церкви в Ярославле, но значительно сокращено описание нашествия Батыея. В гл. 150 опущены сообщения о вокняжении Ивана Калиты или о смерти Максима Грека, но сохранена заметка о голоде, когда «жито все мыши поели». Уже приведенные примеры показывают произвольность сокращений, отсутствие каких-либо определенных принципов отбора известий. Сведения о событиях 1452—1534 гг. составитель Хр. 1617 черпал из источника, который пока не удалось установить, и это не дает возможности судить о степени его использования в Хронографе.

Тем не менее бесспорен повышенный интерес составителя Хр. 1617 к событиям Смутного времени. Именно в рассказе о Иване Грозном и его преемниках составитель отказывается от летописных приемов изложения, переходит к связному сюжетному повествованию, подробно излагая события и еще более рассуждая о них и оценивая происходящее.¹¹⁷ Таким образом, не судьбы христианского мира вообще и православного христианства в частности, а судьба Русского государства и народа оказывается в центре внимания хрониста. Знаменательно в этом отношении окончание Хр. 1617 — своего рода панегирик царю Михаилу Федоровичу: «И тогда приемлет боговрученное ему Московского государства скипетродержание, и нача правити мудрокормный царствия корабль, и бысть православию глава и богозрачному благочестию начало, и государь всем правоверным, иже под солнечным течением, и всему православному хри-

¹¹⁶ Новый источник обнаруживается лишь в статье «О руском великом князе Владимире и о крещении его».

¹¹⁷ Мы не останавливаемся на своеобразном стиле статей о Смуте и проявившемся в них особом методе изображения личности. См. об этом: П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. — Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, стр. 248—261; Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 12—16.

стианству наречеса боговенчаннй царь и великий князь Михайло Феодорович... отья бо от нас господь наш укоризну нашу всю и странеск страх и дарова державному держати в крепости достояния его ... ему же буди благопробывателно и многолетно здравствовати и во всяком благоденствии и радости расти и мужъствовати».¹¹⁸ Здесь, правда, упоминается «все православное христианство», но радость, переполняющая составителя Хронографа, вызывается прежде всего торжеством русского государства, освободившегося наконец от «странеского страха».

Не отвечают старой историографической концепции и многочисленные дополнения в собственно исторической части Хр. 1617. Хотя здесь сохранены противолатинские статьи Хр. 1512 («Сказание о латынех, како отступиша от православных»), но непосредственно за ними следуют статьи об истории католической Польши.¹¹⁹ Интерес к Польше можно было бы объяснить влиянием Хр. Бельского, а также естественным интересом к стране, с которой налаживались все более тесные связи, хотя и омраченные в последние годы борьбой за московский престол. Но наряду со статьями о Польше мы встречаем в Хр. 1617 и другие сведения, также выходящие за пределы сферы узко православной историографии. Это сведения о римских папах,¹²⁰ статьи об императорах Священной Римской империи,¹²¹ «Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магмете».¹²² Все это свидетельствует о том, что интерес к истории соседних стран, независимо от их вероисповедания, оказывается сильнее отходящей в прошлое средневековой хронографической традиции.

Итак, с Хр. 1617 начинается новый этап в развитии хронографического жанра. Хр. 1617 освобождается от церковно-исторической концепционности, делает «крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии».¹²³ Но одновременно он утрачивает былую композиционную собранность, превращается скорее в сборник исторических статей, чем в систематическое изложение истории. На первое место выступает самостоятельная значимость отдельных компонентов Хронографа, их сюжетная занимательность или политическая актуальность. Именно поэтому в XVII—начале XVIII в. стало возможным появление многочисленных вариаций Хронографа (см., например, виды Хронографа 1620 г.) и различных хронографических компиляций, так называемых хронографов особого состава и хронографических сборников. Создателем таких хронографических компиляций мог быть любой достаточно грамотный и располагающий источниками книжник. Его уже не заботила историографическая концепция его труда, соразмерность частей, единство стиля. Он стремился лишь к тому, чтобы в его индивидуальной «исторической энциклопедии» был собран интересный и важный, с его точки зрения, материал. Единственный принцип, соблюдавшийся в хронографических сборниках, был принцип хронологический: составитель располагал статьи в хронологической последовательности описываемых в них событий.

Такова в самых общих чертах эволюция жанра хронографа на протяжении полуторавекового отрезка его истории от Хр. 1512 до Хронографа начала XVII в.

¹¹⁸ Хр. 1617. Арх., л. 445 об.

¹¹⁹ Статьи «О польском короле Леске», «О Попеле короле польском» и другие в гл. 115. Повествование о западных славянах начинается в гл. 100 статьей «О начале государства полского и чешского».

¹²⁰ См. гл. 63, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72 и др.

¹²¹ См. гл. 117.

¹²² См. гл. 157.

¹²³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 12.